

Рано утром заместитель судьи, Сунь Жу, прибыл в управу для отметки в дежурном журнале. Настроение у него было отменное.

Вино в усадьбе богача было отменным, посидели они на славу, обо всем договорились, и все складывалось как нельзя лучше.

Едва он переступил порог главного зала, как навстречу ему, согнувшись в три погибели, поспешил писарь судебного приказа Чжан:

— Доброго утра, господин заместитель.

Сунь Жу слегка взмахнул рукой.

Писарь Чжан мгновенно все понял и тут же приклонил ухо.

— Вэньжэнь Юэ вчера ходил в тюрьму. Разузнал чего? — спросил Сунь Жу.

Писарь Чжан заискивающе улыбнулся:

— Вчера было слишком поздно. Я искренне хотел его притормозить, да куда там — шагал он бодро, ушел один, и я попросту не поспел за ним. Однако во всем Наньтине всегда найдутся люди, готовые услужить вам, господин заместитель. Смотритель Чэнь Ван из поместья богача Чэня пришел сегодня на рассвете и просил передать: прошлым вечером ученый Мин и впрямь истошно кричал Вэньжэнь Юэ, что его оговорили.

Сунь Жу нахмурился:

— До сих пор не угомонился?

— Да мало ли, может, от болезни рассудок мутится, — пожал плечами писарь Чжан. — К тому же Чэнь Ван просил кое о чем вас известить...

Он опустил голос до шепота и в точности пересказал Сунь Жу те самые слова Лэ Уя о намерении заставить ученого Мина признать вину.

Однако заместитель судьи не спешил верить услышанному.

— С чего бы ему так резко перемениться? — процедил он. — Как бы не задумал чего.

Писарь Чжан вовремя вставил угодливую реплику:

— Каким бы хитрым ни был Сунь Укун, Король Обезьян, ему вовек не вырваться из ладони Будды. Тем более...

Он многозначительно повел глазами в сторону задних покоев:

— Наш-то барин — чистой воды монах Ша, безвольный простак!

Сунь Жу усмехнулся и уже собирался выдать пару колкостей, как в зал мелкой рысцой вбежал писарь налогового приказа Дуань:

— Господин заместитель, судья сейчас в задних покоях. Велел передать, чтобы вы шли к нему, как только явитесь в управу.

Писарь Чжан сердито округлил глаза и рявкнул:

— Язык прикуси! Кто здесь истинный господин, ты в толк взять не можешь?

Писарь Дуань, судя по всему, соображал туговато. Получив нагоняй, он ничуть не разозлился, а лишь глуповато и растерянно улыбнулся в ответ.

Сунь Жу безразлично махнул рукой:

— Сию минуту отправляюсь.

Он расправил широкие рукава, завел руки за спину и неторопливо зашагал к задним покоям.

Пускай писарь Чжан и славился своей привычкой льстить да подлизываться, в одном он был абсолютно прав.

В этом деле, будь ты хоть трижды Королем Обезьян, перевернуть все вверх дном тебе не под силу.

Свидетелей они подобрали надежных, да и сам ученый Мин уже покорно поставил подпись и оттиск пальца на признательных показаниях.

И раз уж на руках имелись и свидетели, и прямые улики, то Вэньжэнь Юэ, который упрямо гнул свою линию и намеренно затягивал следствие, уже заслужил у начальника округа репутацию непроходимого дурака.

Стоило главе округа окончательно потерять терпение от этих проволочек, ему достаточно было накатать на упряма одну-единственную жалобу, и Вэньжэнь Юэ пришлось бы без лишних слов

снять с себя эту купленную за звонкую монету чиновничью одежду.

Каждому человеку положено знать свое место.

Когда достоинства не соответствуют чину, беда лишь вопрос времени.

Переступая порог задних покоев, Сунь Жу мгновенно спрятал все свои корыстные помыслы и по всем правилам учтиво поклонился:

— Доброго утра вам, господин судья.

Лэ Уя в этот момент читал какую-то книгу. Заметив вошедшего, он даже не подумал отложить ее в сторону, а лишь прошелся по нему взглядом, жестом приглашая садиться.

Изначально Сунь Жу шел сюда с твердым намерением поторопить Лэ Уя с передачей материалов дела наверх, однако спросить в лоб: «И долго вы собираетесь тянуть кота за хвост?» — правила приличия не позволяли. Он послушно присел на стул и вежливо начал:

— Судья поднялся спозаранку и так усердно трудится...

Договорить он не успел. Стоило ему мельком глянуть на раскрытые страницы, как слова застряли у него в горле.

Это был обычный дешевый рыцарский роман, а на обложке два нарисованных человечка вовсю колотили друг друга на мечах.

Продолжать тираду об «усердном труде» у Сунь Жу не повернулся бы язык, поэтому он поспешно сменил тему:

— Судья, будете ли вы сегодня лично вести судебное заседание и разбирать дела?

Лэ Уя покачал головой. Быстро пробежав глазами строчки внизу страницы и убедившись, что в этой главе благородный мечник все-таки одолел злобного колдуна, он с облегчением выдохнул, отложил чтиво в сторону и сел ровнее:

— Сунь Жу, я бы хотел поговорить с тобой по душам.

От этих слов заместитель судьи вовсе не расслабился, а напротив, сделался еще более настороженным:

— Я слушаю вас.

Добрые гости не приходят с дурными вестями, а разговоры по душам в чиновничьих кругах никогда не сулили ничего хорошего.

Кто знает, какую новую пакость он задумал?

И действительно, этот мальчишка оказался слишком нетерпеливым и с первых же слов выдал свои намерения:

— Что ты думаешь по делу ученого Мина?

Сунь Жу мастерски уклонился от прямого ответа, ловко вернув вопрос обратно:

— Откуда у ничтожного чиновника возьмутся дельные мысли? Я лишь поступаю в строгом соответствии с законами государства.

Лэ Уя подпер подбородок свернутой в рулон книгой:

— Законы государства безжалостны, что же нам остается делать?

Сунь Жу лишь продолжал заискивающе улыбаться, не поддаваясь на провокацию и выжидая, как начальник пойдет в атаку дальше.

Вот только Лэ Уя вдруг размашисто взмахнул рукой:

— Ладно, пустяки, ты свободен. Можешь идти.

Сунь Жу опешил. «И это все?»

Охваченный сомнениями, он не поспешил сразу откланяться.

Лэ Уя бросил на него мимолетный взгляд:

— У господина заместителя есть ко мне дела? А то мне пора за усердную работу приниматься.

Сунь Жу от одного этого обращения передернуло.

Обычно Вэньжэнь Юэ звал его уважительно и по уставу, просто «заместитель Сунь». А вот это добавленное «господин» сейчас звучало как чистой воды издевка и язвительность.

Бросив взгляд на дешевый рыцарский роман в руках судьи, Сунь Жу с улыбкой поинтересовался:

— Раз уж судья сегодня не ведет заседание, не пора ли заняться делами государственной важности?

— Пора, отчего же не заняться, — ответ Лэ Уя вновь застал его врасплох.

— Прошлой ночью я ходил в тюрьму южного района, и твои ищейки вовсю успели растрепать тебе об этом, так что ты наверняка в курсе, — он небрежно похлопал ладонью по столу рядом с собой. — Материалы дела и сопроводительные записки уже переписаны и приведены в полный порядок. Найди человека, пусть отвезет их наверх. И передай главе округа, что в моей книге сюжет как раз подобрался к великому союзу мастеров боевых искусств, дело принимает самый крутой оборот, так что лично я докладывать не поеду.

Сунь Жу вновь почувствовал себя не в своей тарелке.

Раньше от Вэньжэнь Юэ за версту веяло кристальной, наивной честностью, и крутить им можно было как угодно.

Но нынешнего Вэньжэнь Юэ он решительно не понимал.

Он заискивающе улыбнулся:

— Судья изволит шутить. Я незамедлительно отправлю бумаги. Если глава округа спросит о вашем отсутствии, я скажу, что вы занемогли. Надеюсь, вы не против такого предлога?

Лэ Уя слегка опустил книгу, и из-за страниц показались его сощуренные, лукавые глаза:

— Мне безразлично. Можешь сказать, что я умер, я ничуть не обижусь.

Сунь Жу промолчал.

С таким поведением Вэньжэнь Юэ он сталкивался впервые.

Не зная, как реагировать на подобные речи, заместитель мог лишь дежурно улыбаться.

И почему-то ему показалось, возможно, это было лишь обманом зрения, что в темных глазах Вэньжэнь Юэ промелькнул едва заметный фиолетовый отлив. Смотрелось это так, словно в тело начальника вселился хитрый лисий дух.

Сунь Жу поспешно выпрямился, стараясь прогнать дурацкие мысли о призраках и демонах.

Прежде он никогда не приглядывался к этому юнцу, но с чего бы тот так резко переменился лицом? Получил чей-то мудрый совет со стороны или...

Прокручивая в голове сотни догадок, Сунь Жу почтительно потянулся к лежащим на столе свиткам.

Едва пробежав глазами первые строчки, он застыл в оцепенении.

Если бы этот преисполненный праведного гнева судья Вэньжэнь накатал доклад на основе собственных домыслов, всю расписывая невинность ученого Мина, Сунь Жу бы это ничуть не удивило.

Однако вся папка с делом была начисто переписана заново. Ровный, аккуратный и каллиграфически безупречный почерк остался прежним.

И суть обвинения ничуть не изменилась: ученый Мин замышлял мятеж. В самом низу страницы красовались его личная подпись и отпечаток пальца.

Вот только чернила на бумаге выглядели подозрительно свежими...

Лэ Уя внезапно прервал его затянувшиеся размышления:

— Прежние материалы дела были составлены из рук вон плохо.

Сунь Жу всю вчитывался в текст, и от этого неожиданного замечания его мысли смешались, едва не заставив упустить строчку.

Когда говорит вышестоящий начальник, негоже утыкаться носом в бумаги, поэтому заместитель поспешно закрыл свиток и почтительно поднял голову:

— Жду указаний и разъяснений, господин судья.

Лэ Уя веско резюмировал:

— Дело состряпано слишком чисто.

— Чисто?

Сунь Жу быстро уловил ход его мыслей и ответил:

— Ученый Мин сам упирался и не желал ничего выдавать, оттого и...

Лэ Уя отложил книгу и взял со стола чайную чашу:

— Господину заместителю, должно быть, недостает опыта, прежде не доводилось вести дела о мятежах?

Сунь Жу мысленно выругался: «Говорит так, будто сам только этим всю жизнь и занимался».

Лэ Уя сделал глоток:

— Всякий, кто хоть раз вел дела о государственной измене, знает: мятеж — дело коллективное. Здесь всегда нужно дергать за репку так, чтобы и комья грязи летели, и корни во все стороны тянулись, ведь на то и существует круговая порука. А в этих материалах фигурируют лишь сам ученый Мин да его престарелая мать. Ну куда это годится?

Сунь Жу нахмурился.

Он и сам прежде размышлял о том, что этот Мин Сянчжао, безвинно оговоренный, непременно увязнет в ярости и попытается утащить за собой в могилу еще парочку несчастных.

Однако заместитель никак не ожидал, что этот книжник окажется настолько нелюдимым, высокомерным и упрямым. Друзей он не завел, манерами обладал невыносимыми, и пускай в академии его никто из соучеников терпеть не мог, перед лицом неминуемой смерти он не стал брызгать желчью и не оговорил ни единой души.

Да и богач Чэнь советовал не мешать в кучу слишком много народу, это бы лишь привлекло лишнее внимание, а чем больше людей, тем выше и риск допустить промашку.

Сунь Жу заговорил размеренно, тщательно подбирая слова:

— Как говорится, книжники и за три года бунт не поднимут. Возможно, он лишь в мыслях крутил эти мятежные бредни, да не успел обзавестись сообщниками. Судья, среди ученых мужей и впрямь встречаются подобные экземпляры: едва заучив пару канонов, они уже мнят себя великими мудрецами и дерзко рассуждают о делах государственной важности. Гордыни в них хоть отбавляй.

— Сообщников нет, а книги откуда?

— Заместитель Сунь, ты знаешь, откуда у меня это чтиво? — Лэ Уя легонько потряс страницами романа и сам же ответил на свой вопрос: — На уличном лотке купил, по три монеты за штуку.

— Даже на такую дешевую, скверно отпечатанную книжонку пришлось потратить целую вязанку дров. У всего в поднебесной есть свой исток и свой хозяин. Где ученый Мин раздобыл крамольные труды? Раз уж он не писал их собственной рукой, они ведь не могли, подобно моему роману, случайно подвернуться ему на уличном прилавке?

— Любое дело о мятеже уходит на личную подпись государю. Наш нынешний император превыше всего ценит образование и таланты. Узнав, что в измене замешан ученый муж, он непременно потребует досконального отчета. И если столь важный вопрос, как «откуда взялись крамольные книги», останется туманным, дело со свистом завернут обратно на пересмотр.

Сунь Жу крепко задумался.

Это и впрямь было уязвимым местом.

Впрочем, за уездные дела отвечал не он, так что и расхлебывать эту кашу полагалось не ему.

Заместитель лишь пожал плечами:

— Судья, я ведь уже говорил, этот Мин Сянчжао просто валяет дурака и упорно молчит.

— Заговорил, — Лэ Уя опустил чашу на стол. — Прошлой ночью я лично допросил его, и признание совсем свежее. Гляди, там все прописано.

Только теперь Сунь Жу соизволил уткнуться взглядом в свиток.

Едва вчитавшись в текст, он побелел от ужаса и резко вскочил с места.

Лэ Уя изобразил на лице крайнее изумление:

— Господин заместитель, что тебя так напугало?

Сунь Жу изо всех сил пытался унять дрожь в голосе:

— Он... он утверждает, что получил крамольные книги из рук наставника Ло?!

Лэ Уя покорно кивнул:

— Да, именно так.

Наставник Ло, по паспорту Ло Яньцин, являлся главным смотрителем уездного училища. Он отдал преподаванию больше тридцати лет, трудился не покладая рук, не нажил ни жены, ни детей, а к ученикам относился как к родным сыновьям. После кончины он не оставил после себя никаких богатств, завещав всю свою личную библиотеку местной академии для общего пользования. Его имя было официально занесено в уездные хроники.

Проще говоря, этот человек был живой совестью и золотой маркой всего уезда Наньтин: безупречным праведником, чей авторитет ни у кого не вызывал сомнений.

— Наглая ложь! — Сунь Жу не сумел сдержать вспыхнувшего гнева. — Ученики наставника Ло служат по всей поднебесной, к тому же сам он почил несколько лет назад! С какой стати ему было давать парню крамольные книги?! Этот Мин Сянчжао безбожно оговорил честного человека, мерзавец!

Заместитель исходил злобой, а Лэ Уя оставался абсолютно невозмутим:

— Заместитель Сунь, взгляни сам. В хрониках четко написано, что покойный наставник Ло не оставил после себя наследников, а всю свою тысячу томов, которую ценил пуще собственной жизни, передал в дар академии Наньтина, дабы всякий стремящийся к знаниям мог свободно читать их. Истинно благородный муж.

С этими словами он вновь пригубил чай, сокрушенно качая головой:

— Какая жалость. Всю жизнь прожил праведником, а теперь его честное имя после смерти окажется запятнано.

Лицо Сунь Жу потемнело от ярости.

Среди воспитанников наставника Ло было немало тех, кто успешно сдал экзамены и пробился во власть, а самый успешный из них дослужился до чина третьего ранга.

Да и сам заместитель Сунь Жу когда-то сидел за партой у этого старика и лишь благодаря его наставлениям сумел выбиться в люди.

Откуда у этого паршивого Мина взялась дерзость очернить его покойного учителя?!

Сунь Жу окончательно растерял весь свой показной лоск благородного мужа:

— Этот Мин понимает, что ему все равно крышка, вот и брызжет ядом во все стороны, пытаясь утащить за собой невинных! Судья, неужто вы собираетесь принять на веру эти безумные

бредни?!

Лэ Уя мягко улыбнулся:

— Раз уж ты так считаешь, как нам, по-твоему, стоит поступить?

— Вздернуть его на дыбу и подвергнуть жестоким пыткам! Пусть на собственной шкуре узнает, каково это — клеветать на достойных людей!

— Можно и так, — Лэ Уя изящно кивнул. — Вот только его израненное тело едва дышит. Стоит привязать его к пыточному столбу, и он испустит дух еще до того, как палач занесет кнут. И тогда эти признательные показания станут его последним предсмертным словом, изменить которое будет уже невозможно.

Видя, что заместитель судьи совершенно лишился дара речи, Лэ Уя с искренним любопытством на лице спросил снова:

— К тому же, с чего ты взял, будто это наглая клевета и безумные бредни? Парень ведь указал всего на одного человека. У того покойного ни жены, ни детей не осталось, так что не так уж и много народу под удар попадает, разве нет?

Сунь Жу выпалил, не подумав:

— С тех пор как нынешний император взошел на престол, большая часть наньтинских ученых мужей была возвращена лично наставником Ло! Если принять эти слова на веру, наставник Ло без вины покроет себя позором. Как тогда здешним ученым мужам смотреть людям в глаза? Они же до глубины души уязвлены будут...

Договорив до этого места, Сунь Жу наконец осознал всю тяжесть положения.

Он резко осекся и уставился на Лэ Уя в упор.

Тот уже давно сидел перед ним, глядя на него с едва уловимой, лукавой усмешкой.

— Среди этих наньтинских ученых, должно быть, числишься и ты сам, заместитель Сунь, — Лэ Уя прижал ладонь к груди и с наигранной грустью добавил, — ты ведь моя правая рука, главная опора. Если ты и впрямь уязвишься, мое сердце этого не вынесет.

Лэ Уя прекрасно понимал: здешние ученые мужи вовсе не будут уязвлены.

Что действительно потерпит крах, так это их карьерные перспективы.

Этот добродетельный, глубоко уважаемый наставник, чье имя по праву украшало уездные хроники, прежде наверняка служил отличным украшением для послужных списков своих учеников.

Но стоило покойному учителю оказаться замешанным в государственном мятеже, как над будущим всей здешней чиновничьей братии неизбежно сгущалась глухая, зловещая тень.

Пускай их не бросились бы тотчас гнать со службы и лишать чинов, однако в чиновничьем мире врагов всегда хватает с избытком.

Стоило кому-то из них подойти к заветному порогу очередного повышения, как недоброжелатели тут же вытащили бы эту гнилую историю на свет и о продвижении по службе можно было забыть раз и навсегда.

А уж какой крутой нрав имел нынешний государь, Лэ Уя знал лучше, чем кто-либо другой.

На такой благодатной почве можно было развернуть грандиозную партию.

Император с радостью ухватился бы за этот повод, дабы одним махом казнить целую охапку неугодных, сослать вторую и продвинуть на их места преданных людей — привычное, доведенное до автоматизма дело, в котором Лэ Уя некогда сам усердно помогал ему, будучи той самой «правой рукой».

Сунь Жу до мыслей о характере государя еще не дошел.

Ему хватало одного лишь осознания того, скольких здешних авторитетов затянет в эту воронку, чтобы покрыться ледяным потом.

Вот только заместитель ни в жизнь не поверил бы, что столь чудовищный, изощренный замысел мог родиться в голове этого мягкотелого и слабого судьи Вэньжэня.

На самом деле, когда Лэ Уя прошлой ночью занес кисть над бумагой, собираясь собственноручно состряпать эти фальшивые показания, он тоже на мгновение задумался, глядя на сияние луны:

«Наставник Ло ведь действительно был достойным и честным человеком. Выставлять его честное имя на кон, зная, что мертвец не сможет восстать из могилы и оправдаться, правильно ли это?»

Ответ в его циничном разуме родился мгновенно:

«Если наставник Ло и впрямь был истинным праведником, то поступить так самое правильное

решение. Раз уж он ушел в мир иной много лет назад, отчего бы его доброму имени не послужить делу спасения живой души, у которой еще есть шанс выкарабкаться из петли?»

Разумеется, Сунь Жу не собирался безропотно покорно ждать своей гибели.

С потемневшим от злобы лицом он процедил:

— Все книги, что завещал наставник Ло, были собственноручно переписаны и занесены в строгий реестр новым смотрителем училища. Каждый том учтен, все чисто и прозрачно. Если в этом списке вдруг из ниоткуда всплывут несколько крамольных свитков неизвестного происхождения, как вы, господин судья, прикажете оправдывать эту нестыковку перед начальством?

Лэ Уя парировал без малейшего промедления:

— Ты позабыл? В позапрошлом году в академию Наньтина пробрались воры, тогда пропало немало книг, да и сам инвентарный реестр бесследно исчез. Смотритель училища лично являлся в управу с донесением, и прежний уездный судья велел академии составить списки заново. Об этом происшествии в архиве имеется четкая запись, все официально. И надо же какому совпадению случиться, угадай, кого из местных грамотеев руководство академии призвало на помощь, дабы заново переписать утерянные каталоги?

Ученому Мину, которому всю жизнь отчаянно не везло, в этом деле наконец улыбнулась удача.

После смерти отца семья Мин постоянно перебивалась с хлеба на воду. И стоило в академии Наньтина появиться хоть какой-то оплачиваемой работе, будь то украшение залов к праздникам или переписка ветхих свитков, ученый Мин всегда первым бежал на подработку, дабы вырчить немного зерна на пропитание.

А стало быть, у него был прямой и законный доступ ко всей библиотеке.

Сунь Жу почувствовал, как у него подкашиваются ноги от ужаса.

— ...И об этом вам тоже известно?

— Я знаю даже больше. Раз уж среди пожертвованных наставником Ло книг действительно таилась крамола, а нынешний смотритель упустил ее при составлении нового каталога, то это либо умышленное укрытие преступления, либо крайняя халатность при исполнении обязанностей. С него тоже полагается спросить по всей строгости. Да и те немногие наньтинские книжники, кому не посчастливилось учиться у наставника Ло лично, боюсь, теперь тоже вряд ли сумеют выйти сухими из воды.

Лэ Уя свернул свиток в тугую трубку, легонько постучал им по своей судейской шапке и с

живым, искренним интересом принялся разглядывать насквозь промокшего от пота Сунь Жу:

— Господин заместитель, взгляни сам. Вот это я понимаю, настоящее, добротное дело о государственной измене! Стоит потянуть за один волосок, и вся округа зашатается, никто не спасется. За раскрытие столь масштабного заговора государь непременно осыплет нас щедрыми наградами. Как на это смотришь? Может, хорошенько пораскинешь мозгами да припомнишь еще кого-нибудь из неблагонадежных или строптивых местных деятелей, дабы мы скопом вписали их в этот доклад для столицы, а?

Дело принимало настолько пугающий оборот, что Сунь Жу больше не смел разыгрывать из себя важную персону:

— Судья, прошу вас, довольно шуток!

— С чего бы мне шутить? — Лэ Уя поднялся со своего места, неторопливо обошел стол и встал прямо за спиной заместителя. — Тебе ведь известно, кто сейчас занимает пост провинциального судьи, тисин аньчаши*?

ПП: Глава провинциальной судебной-тюремной палаты. Высшая судебная власть в регионе: Он возглавлял всю судебную, следственную и тюремную систему конкретной провинции. Все материалы по крупным уголовным делам (особенно таким, как убийства или государственные мятежи), собранные мелкими уездными судьями вроде Вэньжэнь Юэ, обязательно отправлялись к нему на личную проверку и утверждение.

Сунь Жу не понимал, к чему тот вдруг завел речь о главе всей судебной-тюремной палаты провинции, однако дерзить не посмел. Подавляя нарастающую панику, он глухо ответил:

— Нынешний тисин аньчаши — господин Цзи Шимин, сдавший высшие экзамены в год и-ю*.

ПП: это название конкретного года в рамках 60-летнего цикла.

Лэ Уя мысленно усмехнулся.

«Надо же, Цзи Ин».

А этот его бывший сокурсник по экзаменам продвигается по службе довольно шустро.

В свое время Лэ Уя составлял характеристики на всех придворных чиновников и, подавая доклад императору, мимоходом черкнул: «Если пристроить Цзи Ина руководить уголовным сыском, от этого будет куда больше проку, чем если оставить его в совете цензоров».

Государь тогда с живым интересом полюбопытствовал, почему он пришел к такому суждению.

Лэ Уя до сих пор помнил собственный ответ:

— Докладываю Его Величеству. Цзи Шимин по натуре своей излишне педантичен и прямолинеен, мыслит дотошно, однако склонен придавать слишком большое значение мелочам в ущерб общей картине. Если кто-то состряпает для него фальшивое дело, где будут и улики, и показания, и свидетели, он без лишних раздумий пойдет по проторенной дорожке и проверит лишь то, что подано в бумагах. Такой прямотушный человек в совете цензоров легко превратится в чужой клинок или чужую плеть.

Тогда император спросил его:

— Раз он таков, зачем же отправлять его ведать уголовными делами?

Лэ Уя ответил:

— Во-первых, большинство уездных чиновников глупы и бездарны. Составить гладкое, логичное уголовное дело для них — задача непосильная, и вот тут как раз пригодится его вьедливость. Во-вторых, хотя в поднебесной и случаются судебные ошибки, большая часть преступлений очевидна с первого взгляда. Однако низовые чиновники вечно боятся выносить приговоры, сомневаются и не знают, как поступить. В такие моменты его твердость и пойдет на пользу государству.

Император тогда долго молчал, а после едва заметно кивнул:

— А ты, я гляжу, дерзок в своих речах.

Можно сказать, что государь в свое время твердо вознамерился сжить его, Лэ Уя, со свету, однако в его умении разбираться в людях правитель никогда не сомневался.

И то давнее прошение Лэ Уя, перевести Цзи Ина в судейскую палату, теперь сыграло ему самому на руку.

В конце концов, в поднебесной найдется не так много умельцев, способных состряпать безупречное уголовное дело с неопровержимыми уликами. Но уж он-то, Лэ Уя, точно входил в их число.

— Господин Цзи обожает бамбук, да и сам в своей праведности чист и прям как бамбуковый стебель. Человек он редкостной дотошности. Если бы мы отправили ему прежние материалы дела, они бы не то что до императорского стола не дошли, они бы даже его личную проверку не прошли. Так что мне пришлось изрядно попотеть, дабы просчитать все мелочи ради нашего общего блага.

Лэ Уя достал из широкого рукава складной веер, слегка наклонился и принялся аккуратно

обмахивать обливающегося потом Сунь Жу. Тон и манеры его оставались обманчиво дружескими, почти родственными, однако суть слов заставляла волосы вставать дыбом.

— Заместитель Сунь, тебе не стоит так сильно сокрушаться. Во всем виноваты те недотепы, что решили известить ученого Мина. Надо же было додуматься — пришить парню государственный мятеж! Да если бы они так сильно хотели упечь его за решетку и сгноить, куда проще было бы обвинить его в обычном убийстве. Открыли бы где-нибудь у дороги тихую чайную лавку, наняли бы за гроши обреченного на смерть бедолагу, да и велели бы ему пойти по задирать к ученому. У Мина характер, как известно, скверный... Ну и дело в шляпе. Обычный вопрос денег, разве нет?

Сунь Жу от этой тирады окончательно растерялся, а его разум затуманился.

Он внезапно осознал, что совершенно перестал понимать своего начальника.

...Не понимал вообще.

= = =

Примечания автора:

«История государства Ю. Жизнеописания коварных чиновников: Лэ Уя»

...Промышлял подлогами и обманом, сфабриковал сто двадцать официальных указов и докладов, тайно вырезал двадцать одну государственную печать. Когда император призвал его к ответу и сурово отчитал, Лэ Уя лишь ответил: «Способности вашего верного слуги весьма ограничены. На днях я пытался подделать несколько банковских ассигнаций, да так и не сумел довести дело до конца».

<http://bllate.org/book/18193/1759518>